

В. Л. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ

Н. Гумилев. Жемчуга.

Стихи. Обложка работы Д. Кардовского.
Кн-во «Скорпион». Ц. 1 р. 50 к.

Свои «Жемчуга» поэт Н. Гумилев посвящает своему *учителю* Валерию Брюсову, но смело он мог бы ее посвятить и многим другим — и Г. Гейне, и К. Бальмонту, и французским лирикам. У безглазой музы поэта хорошая память. Она плохо видит, но она хорошо запоминает. Размеры брюсовские, выражения бальмонтовские, грустная усмешка гейневская, экзотизм французский — у него, как у Лермонтова, «ласкает быстрый Тибр *ступени* гордо розовеющих дворцов»¹, у него даже «усмехающиеся пни»², как у К. Гамсуна. Как и у Бальмонта, у Н. Гумилева рощи «полны мандрагорами»³.

«Помню волка. С нами в мире
Вместе бродил он, вместе спал,
Вечером я играл на лире,
А он тихонько подвывал»⁴.

Эти строки напоминают нам чудесного «Фейного волка» из Фейных сказок, который говорит: «Подвываю и пою». Этому волку подвывает и волк Н. Гумилева. Слова «Волшебной скрипки» взяты у К. Бальмонта из его прекрасного перевода стихотворения Эдгара Поэ «Колокольчики и колокола». «Неоромантическая сказка», «Маэстро», «Театр» напоминают нам манеру и размер Г. Гейне, а рассказ о том, как «Звуки легкие оркестра... к золотым сбегали рыбкам, что плескались там в бассейне»⁵, конечно, напоминает нам одно из лучших стихотворений русской поэзии, стихотворение К. Бальмонта «Золотая рыбка».

«Помпей у пиратов», «Варвары», «Возвращение Одиссея», «Воин Агамемнон», «Основатели» — написаны в стиле Валерия Брюсова с его словечками «становища», «безлюдья».

Строки

«Умер водитель народов Атрид
Я же ничтожный живу» —

конечно, соперничают по красоте с известными строками Гомера. Только там речь идет о Патрокле и о презрительном Терсите⁶.

Есть у поэта Н. Гумилева стихотворение «Читатель книг», где он рассказывает, как любит «неутомимо плыть ручьями строк, в проливы глав вступать нетерпеливо»... Когда такой читатель книг становится писателем и продолжает «плыть *ручьями* строк», журчащими в книгах его «учителей», он легко может захлебнуться даже и в ручье.

У Н. Гумилева большое тяготение к Востоку, он любит придумать «что-нибудь этакое экзотическое», он любит «небывалые плоды», «нездешние слова». У Алексея Толстого один из его помещиков уехал из своего медвежьего угла в Африку и оттуда прислал своему дядюшке Мишухе Налимову банку с живым крокодилом. В поэзии Н. Гумилева, как в банке симбирского помещика, плавают «темно-изумрудный крокодил»⁷. Впрочем, тут целый зверинец: «Изысканный бродит жираф». Встречаются «свирепые пантеры», слоны, львы, обезьяны, какаду, «перья страуса».

Только все это не живое, все это декорация и обстановочка и от картонных львов пахнет типографской краской, а не Востоком.

В книге Н. Гумилева «Жемчуга» на обложке — восточный человек, пантеры, бесконечные нити жемчуга, в отделах вы найдете черный жемчуг, серый, розовый, но не ищите жемчужных стихов и «жемчужных зерен» в этой... книге. В этой «изысканной» книге на каждом шагу попадают выражения, изумляющие своей безвкусицей. Примеров сколько угодно. Вот вам несколько наудачу:

«Я попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага,
Вокруг реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов»⁸.

Полагаю, что комментарии излишни!

В другом стихотворении вы встречаете строки: «Будет счастье в самом крикливом какаду»...⁹ Неизменны эти попугаи и крикливые какаду! Вызывает веселый смех страшное описание «лесного пожара»:

«Вон несется слон-пустынный,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит»... ¹⁰

Какой ужас!

Фигура Дон-Жуана, мечта которого «надменна и проста»:

Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста;
А в старости принять завет Христа
— Потупить взор, посыпать пеплом *темя*...

Дон-Жуан Н. Гумилева «не имел от женщины детей и никогда не звал мужчину братом». И все-таки смешон этот «мужчина», посыпаящий пеплом «темя», смешон не менее обезьяны, которая «держит финик».

Смешны и рифмы Н. Гумилева — эти «крикливые какаду», и эти «пронзительно визжащие обезьяны». Недаром же поэт так любит «нездешние» слова: «*возоплю*» (с. 8), «*возопить*» (с. 16). Его рифмы изысканные, визгливые, вопиющие, коробят вас. Такая безвкусица — все эти «ловчий» и «ловче», «о небе ли» и «мебели», «бок-о-бок» и «робок», «назад вы» и «клятвы», «тоску нести» и «юности», «в омуте» и «к дому те», «бичем» и «смерчем», «встретим даль мы» и «у пальмы» ¹¹. Этими «своими» рифмами вознаграждают бедного читателя за ручки чужих строк. Эти рифмы дополняют «узорные сады» души поэта и его «необъятные» сны... Эти рифмы оглушают вас «медной музыкой фанфар» и «грохотом рогов», «звоном» «бубнов и литавр» (с. 9) ¹².

Лучше других стихотворений в этой книге, крикливой, нарумяненной и надушенной, пьесы: «Покорность», «Свиданье», «Японской артистке», «Волшебная скрипка», «В мой мозг», «Императору», «Каракалла»... Здесь все-таки кой-где чувствуется искренность, без которой поэзии нет. Н. Гумилев хочет писать стихи-сказки, у него встречаются красивые образы, но у него нет *своей* сказки. Над его поэзией тяготеют, как проклятье, слова Верлена: «Все прочее — литература!». Поэзия Н. Гумилева — это «литература», но при этом литература, в которой хромает грамматика. Конечно, бог поэтов Аполлон простит все прегрешения Н. Гумилеву: ведь он пока — «ученик»! ¹³

